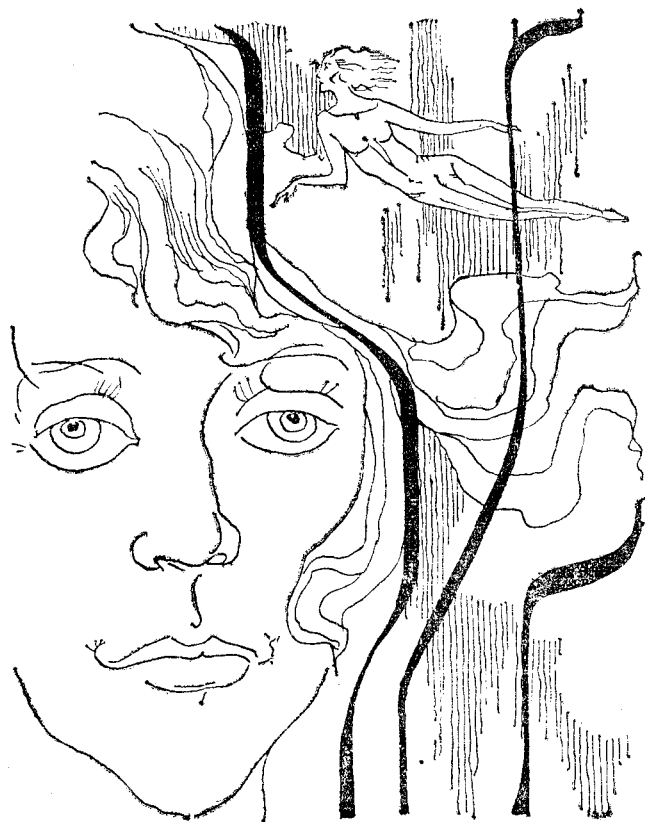

МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ...

Фантастический рассказ

**Михаил
НЕМЧЕНКО**

Рисунки
Е. Стерлиговой

Еще три года назад коконы обнаруживали чуть не каждую неделю, и Гусеву приходилось месяцами безвыездно жить на Земле. Но потом количество обнаружений резко пошло на убыль. За весь прошлый год было найдено всего одиннадцать коконов, а за три месяца нынешнего — ни одного. Гусев уже решил было, что на всем этом можно поставить точку и миссия его наконец-то завершена. Но именно в этот момент пришло сообщение о том, что на Алтае в только что раскопанной пещере обнаружен хорошо сохранившийся кокон. И, бросив все дела, Гусев опять полетел на Землю.

Сейчас он сидел в квадратном зале без окон перед прозрачной камерой киберреаниматора, глядя, как тонкие, словно веточки, манипуляторы легкими, осторожными движениями снимают слой за слоем коричневую желеобразную массу, под которой уже начинают вырисовываться очертания человеческого тела. Вот обнажился известково-белый, будто высеченный из камня, локоть, вот очищается лицо, — и уже видно, что это мальчишка. Лобастый, еще не успевший раздаться в плечах мальчишка с курносым носом и чуть оттопыренными ушами.

Мальчишки, мальчишки, отчаянный народ... Когда-то вы забирались в трюмы кораблей, отплывающих к неведомым берегам. Потом корабельные трюмы сменились крышами и подножками идущих на фронт поездов. Потом космическими лайнерами, куда вы тоже не раз ухитрились забираться. А в начале двадцать первого века вдруг вспыхнула эпидемия побегов в будущее.

Ну, эпидемия — это, пожалуй, слишком громко. Как свидетельствуют документы того времени, во всем мире было зафиксировано около четырехсот побегов. В общем-то не так уж много — в среднем по одному беглецу на двадцать миллионов землян. Несколько десятков коконов было найдено сразу же, по горячим следам, и «путешественники во времени», лежавшие в них, были благополучно возвращены к жизни. Но остальные продолжали лежать где-то в потаенных гротах, пещерах, заброшенных штольнях...

Считалось, что все они безнадежно мертвы. И лишь когда, спустя целую эпоху, удалось оживить мальчишку из случайно обнаруженного

кокона, по всей Земле начались энергичные поиски с применением новейшей аппаратуры.

Да, наделали они дел, эти коконы... Хотя создатели их меньше всего были в этом повинны. Цель исследователей из Всемирного Центра космической медицины была совершенно конкретной: найти надежный способ сохранения жизни и транспортировки на Землю тяжело заболевших космонавтов. Тех, кого окажется невозможным излечить в звездных рейсах и на дальних планетных станциях. Именно для этого и предназначалась разработанная группой химиков, врачей и биоинженеров «капсула биоконсервации», прозванная потом в просторечии коконом.

Управляться с коконом было предельно просто. Даже опасно раненный или заболевший космонавт мог при необходимости «законсервироваться» без посторонней помощи. Для этого надо было только лечь в капсулу и нажать кнопку. Все остальное совершалось автоматически: и герметизация захлопнувшейся крышки, и криоинъекция, в считанные секунды охлаждавшая тело, и мгновенное заполнение капсулы анабиозной массой из вделанного в дно резервуара.

Эта густая, клейкая коричневая масса и была главным чудом. Сколько десятилетий считалось аксиомой, что полностью подавить активность ферментов можно лишь при глубоком замораживании организма. Но «анабиозное желе» в коконе, всасываясь в кровь и пропитывая ткани, подавляло эту активность и усыпляло клетки при температуре на полградуса выше нуля! Наперекор всем теориям анабиоз был достигнут без вторжения в рискованную зону замораживания. Причем идеальным теплоизолятором являлась сама анабиозная масса.

Кокон быстро получили самое широкое распространение. И не только в Космосе, но и на Земле. Оказалось, что «временное небытие» помогает при лечении многих болезней, особенно у пожилых людей. Возникли целые анабиозные клиники. Туда помещали и больных, надежные средства для лечения которых вот-вот должны были появиться. Нередко, пока завершалась разработка нового многообещающего лекарства, такие больные ждали в коконах по пять-шесть лет.

Но не больше. Создатели «капсулы биоконсервации» опасались, что уже на седьмом году могут возникнуть трудности при возвращении больного к жизни. Однако нашлись ученые, не разделявшие этих опасений. Разгорелась дискуссия.

Спор шел о том, допустимо ли продлить предельный срок пребывания больных в анабиозе еще на несколько лет. Но один известный биофизик, выступая в дискуссионной видеопрограмме, высказал мнение, что возможности ко-

конов вообще недооцениваются и что, если поместить в «капсулу биоконсервации» не больного, а безукоризненно здорового и, главное, молодого человека,—его, при благоприятных условиях, вероятно, можно будет оживить даже через много десятков лет.

Разумеется, это было всего лишь предположение, именно так оно и было всеми воспринято. Но, увы, на планете Земля проживали еще и мальчишки, бедовые и отчаянные мальчишки, бредившие фантастическими приключениями. Уже спустя несколько дней со складов и из клиник стали исчезать коконы...

Те, кто в старину пытался переплыть океаны на плотках и в утлых лодках, имели куда больше шансов уцелеть, чем юные безумцы, очертя голову бросавшиеся в океан времени, чтобы доплыть до сказочных чудес грядущего. Но лобастый узкоплечий мальчишка, лежавший сейчас за прозрачной стенкой, судя по всему, был одним из тех немногих, кому довелось доплыть. Он еще не дышал, и веточки манипуляторов еще счищали с его каменно застывшего тела остатки студенистой массы, но приборы на пульте перед креслом Гусева уже свидетельствовали, что клетки начинают оживать.

Вечером воскресавший сделал первый вздох. Температура была пока на четыре градуса ниже нормальной, но сердце билось ровно, кровообращение после переливания и введения гемостимуляторов полностью восстановилось. И, убедившись, что все идет хорошо, Гусев покинул реанимационный зал, передав дежурство роботам.

Когда он пришел через три дня, камера киберреаниматора была задернута голубым занавесом. Мальчишка спал на низком белом ложе у стены. Пушистый розовый халат оттенял бледность лица, но это было уже лицо выздоравливающего, вернувшегося к жизни человека.

Едва Гусев подошел к своему креслу, мальчишка открыл глаза. Несколько секунд он смотрел на Гусева каким-то неосмысленным, словно невидящим взглядом — и вдруг рывком поднялся на локтях.

— Где я?..—выдохнули губы.

— Разве ты первый раз открыл глаза?

Мальчишка отрицательно покачал головой.

— Эти роботы... Кормили меня, давали лекарства, но ничего не отвечали... — Он с усилием встал со своего ложа, порывисто шагнул к Гусеву, но сделать второй шаг ему что-то мешало.

— Тут вроде стенки,—сказал Гусев.— Дальше тебе пока нельзя. Адаптация...

— Где я? — повторил мальчишка.

— Далеко от дома,—Гусев опустился в кресло, стараясь держаться подчеркнуто спокойно.— В общем, посылка получена.

— Какая посылка?

— Та, в которой ты себя послал, не спросив, правда, согласия адресата. Впрочем, и адрес был весьма туманным. Между нами говоря, посылка чуть не затерялась на почте. Но ее разыскали. И, как видишь, вскрыли.

— Но... какой сейчас год?

— Цифра тебе ничего не скажет: теперь совсем другой отсчет. А сколько лет тебе было там, в той жизни?

— Четырнадцать... В 2023-м...

— Значит, сейчас тебе в некотором роде четыреста тридцать шесть.

— Четыреста?!..— в этом восклицании, в широко раскрытых мальчишеских глазах были и восторженное изумление, и испуг, и недоверие.

Не сводя глаз с Гусева, мальчишка молча сел на свое ложе, весь напрягшийся, разом неуловимо повзрослевший. Может быть, впервые ожгла мысль о невозвратности потерянного? Или еще не пришел в себя от этой громом грянувшей невероятной цифры?..

Гусев нажал клавишу, и из прорези в пульте высунулся маленький серый диск фиксатора. Не спеша, ровным негромким голосом Гусев начал задавать вопросы. Имя? Фамилия?.. Место жительства?.. Где учился?.. Вопросы следовали один за другим, и тихий шелест лент в диске словно подчеркивал будничность, обыденность всей этой процедуры.

— Как-то вы... странно,— с неловкой усмешкой проговорил мальчишка, воспользовавшись короткой паузой.

— Обычный распорядок,— пожал плечами Гусев.— Так опрашивают всех дезертиров.

— Кого?!

— Ты не ослышался,— Гусев посмотрел ему прямо в глаза.— Я сказал: дезертиров. Слово, конечно, не слишком благозвучное, но зато точное. Как иначе назвать тех, кто улизнул из своего времени, чтобы явиться на готовенькое в фантастически всемогущее будущее?

Мальчишка молчал, низко опустив голову. Нетрудно было представить себе, что творится сейчас в его душе. Чудом перенестись через четыре столетия— и услышать такое... Но Гусев знал, что не имеет права поддаваться чувству жалости. Он должен, обязан сказать ему все это именно сейчас. И именно вот такими обнаженными, безжалостно-жесткими словами. Так надо. Чтобы этому курносому четырнадцатилетнему пришельцу из прошлого легче было понять и принять то, что он узнает чуть позже.

— Что же тебя все-таки заставило залезть в кокон?— спросил Гусев.— Разве тебе плохо жилось в двадцать первом веке?

Не поднимая глаз, мальчишка покачал головой.

— Мне было хорошо. Но... — Он говорил медленно, трудно подбирая слова.— Просто очень

хотелось увидеть будущее... Тогда только что расшифровали первую весть с Унны. О том, что через сто лет прилетит их корабль. И, когда мама погибла в экспедиции, решил...

«Как все похоже,— подумал Гусев.— Разные страны, разные судьбы— и все то же неодолимое желание заглянуть за грань...»

— Пускай я виноват... перед всеми...— в растерянных, по-детски беззащитных глазах мальчишки, казалось, вот-вот покажутся слезы.— Но почему вы... эти слова?.. Чтоб большей?..

— Почему? Потому что я такой же мальчишка из кокона. Только извлеченный девятью годами раньше. А теперь вот встречаю новичков... И каждый раз, когда говорю эти слова, я говорю их прежде всего себе.

Ответом было молчание.

А потом мальчишка задал вопрос, который задавали на этом месте почти все:

— И вас... И нас много таких?

— Ты будешь семьдесят четвертым. Трестам не смогли вернуть жизнь... Мы обитаем на Плутоне. Все вместе. Полетим туда с тобой, как только окрепнешь.

— На Плутоне?!.. Они не захотели, чтобы вы... чтобы мы жили на Земле?..

— Нет, они приняли нас хорошо. И не хотели отпускать. Но... сначала взгляни сам.

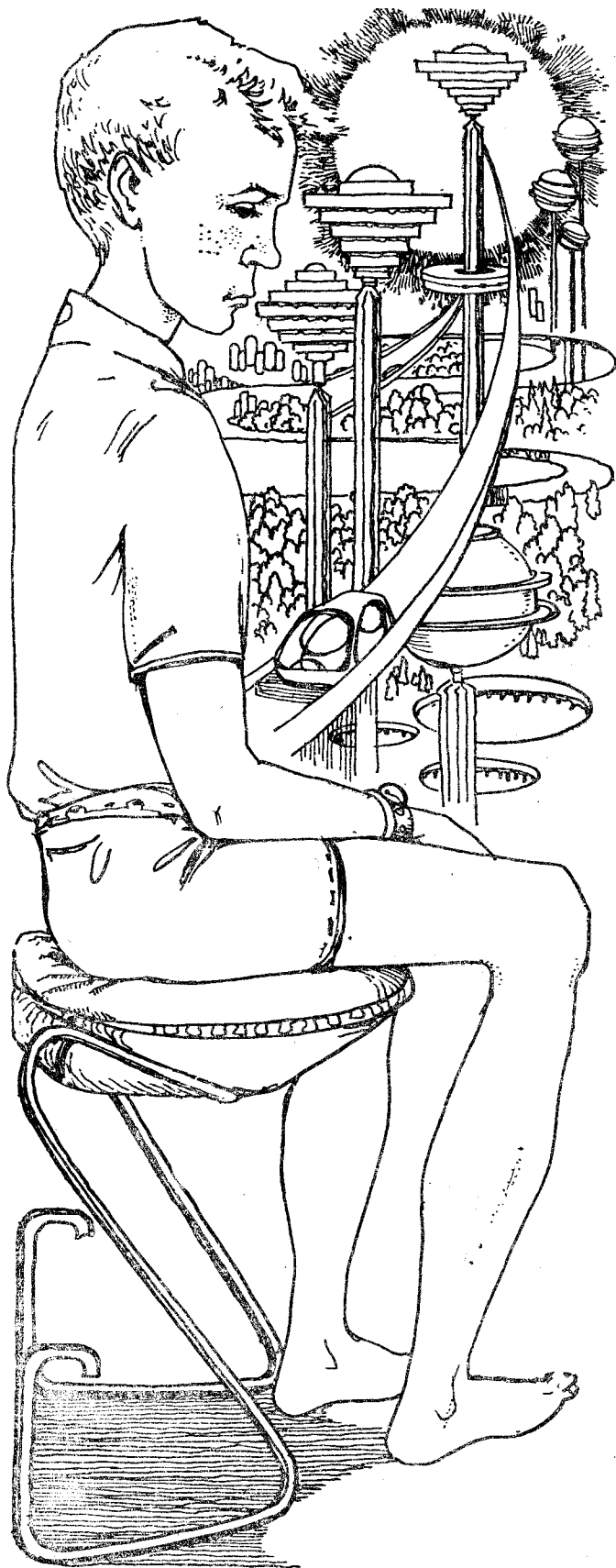
Гусев поколдовал на пульте кнопками— и правая стена словно растаяла. И точь-в-точь как все его предшественники, мальчишка инстинктивно отпрянул от разверзшейся в двух шагах бездны.

Гусев смотрел в распахнувшиеся дали и почти осязаемо чувствовал рядом горящий, изумленно впитывающий взгляд мальчишки. Вот так же девять лет назад застыл он сам, увидев с высоты это неоглядное, прошитое голубой лентой реки пространство лесов, эти белые, розовые, золотистые здания, повисшие в солнечной синеве высоко над деревьями...

— Летающий город!..— зачарованно пробормотал мальчишка.— И дом, где мы, он— тоже?

Вместо ответа Гусев пробежал пальцами по кнопкам, и одно из зданий разом приблизилось, будто оказавшись под огромным увеличительным стеклом. Стали видны уходящие к земле круглые опоры из какого-то полупрозрачного синеватого материала, плавные изгибы стен, опоясанных широкими, оплетенными зеленою галереями.

Вот, раздвинув листья, к парапету подошла высокая девушка в голубом костюме. Постояла и, неощутимо легким движением перемахнув через барьер, нырнула в воздух. Не было ни крыльев, ни аппарата за спиной— просто, раскинув руки, без малейшего усилия плыла над лесами темноволосая девушка в голубом. Но Гусев знал, что не это кажется сейчас мальчишке самым удивительным.

Самым удивительным было лицо. Возникшее перед ними крупным планом тонкое красивое девичье лицо, выражение которого все время неуловимо менялось. То оно улыбалось, то становилось задумчиво сосредоточенным, вслушивающимся во что-то, то вдруг в широко распахнутых глазах мелькало недоумение, брови поднимались, а через секунду снова трогала чуть шевелившиеся губы улыбка, и глаза лучились радостью. Столько оттенков чувств выражала каждая черточка этого лица, так чутко и раскованно отражалось на нем любое тончайшее душевное движение, что было даже как-то неловко на него смотреть — будто подглядываешь за чем-то сокровенным... И невольно думалось: какими, наверно, напряженными и застывшими показались бы сейчас рядом с этим отточенным до такого трепетного совершенства лицом — даже самые выразительные лица людей, живших всего четыре века назад.

— Точно разговаривает сама с собой... — почему-то полупшепотом проговорил мальчишка.

— Не с собой, — отрицательно покачал головой Гусев. — С кем-то. Мыслесвязь для них так же обыденна, как в нашем с тобой детстве телебраслеты. Но нам это недоступно. Да и не только это... Понимаешь, этому нельзя научиться: вся психика должна стать иной. И вообще тебе надо с самого начала...

Он не договорил. Лицо девушки внезапно исказилось болью. Встревоженно глянув вниз, она стала быстро спускаться. Не прошло и минуты, как голубая фигурка скрылась за деревьями. А след за ней, стремительно ныряя с галерей, уже неслись к земле еще несколько фигур.

Мальчишка вопросительно посмотрел на Гусева.

— Видимо, кто-то нуждается в помощи. — Гусев выключил обзор, и стена снова стала непроницаемой. — Они узнают об этом без слов и сигналов. Просто чувствуют чужую боль, как свою. Если кому-то плохо, те, кто вблизи, не могут думать ни о чем другом. А мы... Мы чувствуем себя в этом мудром и тесно сроднившемся мире глухими, недалекими и толстокожими чужаками. И именно потому попросились на Плутон. Жить там нелегко. Но зато мы не ощущаем себя иждивенцами. Работаем вместе с другими добровольцами на рудниках и плантациях кристаллов, и нам легче от мысли, что мы — на переднем крае. Наверное, настанет время, когда мы научимся понимать этот мир и войдем в него, как равные. А пока...

Гусев помолчал и поднялся с кресла.

— В общем, отдыхай и набирайся сил. Завтра я покажу тебе город. А дней через пять — полетим на Плутон.

КАПИТАН НЕМО В РОССИИ

**Виктор
ГУБИН**

— В России, капитан Немо?!— удивитесь вы и, возможно, добавите, поразмыслив: — Ну, разве что в переносном смысле! Книга о его приключениях с давних пор популярна в нашей стране...

Но мы говорим не о книге, а о ее герое. Вы будете абсолютно правы, утверждая, что капитан Немо не бывал в России: Жюль Верн не раз избирал нашу страну местом действия своих романов, однако никогда не приводил сюда героев знаменитой трилогии, которую составляют «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой» и «Таинственный остров».

И тем не менее...

...Из гамбургских газет капитан Немо узнает об удивительном человеке, поселившемся на русском Севере — где-то на Новой Земле, в окрестностях пролива Маточкин Шар. В газетах сообщалось, что этот ученый, по имени Фиц-Рой, устроил себе нечто вроде обсерватории, физический кабинет, химическую лабораторию, различные приборы и аппараты; что машины его исполняют обязанности едва ли не пастухов и молочниц, доставляют ему всякую пищу и шют платья; что фрукты созревают у него искусственно; что ураганы, пронесшиеся над ним, дают ему энергию гораздо большую, чем энергия Ниагарского водопада; что даже краткие северные сияния — и те подвергаются концентрации и «работают» на Фиц-Роя, когда ему это нужно...

Капитан Немо заинтригован, он рассчитывает увидеть в лице Фиц-Роя человека, по учености близкого себе! И потому, не имея каких-либо срочных дел, он отправляется к северным берегам России.

Путешествие среди льдов Северного океана не таит в себе особых сложностей для изумительного подводного корабля и его создателя. Правда, некоторое неудобство капитан Немо все-таки испытывает: лок «Наутилуса» оказался узковат... для того теплого одеяния, какое капитан должен был навьючить на себя. Температура, несмотря на июнь, не превышала семи градусов, а ветер держался пронизывающий и резкий. Немо, не привыкшему к этому, пришлось надеть даже шапку с науш-

никами и меховые рукавицы... Впрочем, не сущие ли это пустяки для опытного морского волка?!

В три дня пройдя от Кольского полуострова до Маточкина Шара, капитан оказывается в затруднении: на каком же из бесчисленных мысков и островков искать таинственного Фиц-Роя? Впрочем, затруднение — лишь кажущееся, ведь Немо давно уже имел все нужное для переговоров на дальние пространства без посредства проводов!

«Если Фиц-Рой человек действительно ученый, он должен будет ответить мне при помощи такого же аппарата», — рассуждает капитан.

И не обманывается в своих ожиданиях. Более того, Фиц-Рой, оказывается, видит и всплывший «Наутилус», и — на его мостике — самого Немо; видит, несмотря на солидное, в 25 миль, расстояние! Видит — разумеется, с помощью новейшего прибора.

— А разве у вас нет его? — протодушно удивляется ученый-отшельник.

— Был у меня этот прибор, да потерял в пути, — совсем как хвастливый школьник, отвечает раздосадованный Немо...

Но вот пройдены и последние 25 миль, и уже автоматически управляемое Фиц-Роем с берега суденышко, на суше превратившееся в автомобиль, доставляет капитана Немо во владения «северного волшебника».

Чего только здесь и в самом деле нет! Оранжевая с кактусами и пальмами, с беседкой из плющей и небольшим фонтаном; парники и теплицы в прибрежных скалах; незримая электрическая изгородь, по желанию окружающая все хозяйство; наконец, обширный и уютный жилой дом, который высечен в массивном — 700 тонн весом! — куске камня, явно оторванном от вершины ближайшей скалы. «Это мое первое обзаведение, — скромно поясняет приветливый хозяин. — Вся трудность состояла не в том, чтобы оторвать скалу, а в том, чтобы заставить ее упасть так, как мне хотелось...»

Впрочем, пробудившийся в капитане дух изобретательского соперничества мешает ему объективно оценить увиденное: любое достижение

Фиц-Роя он теперь уже воспринимает чуть ли не как личное оскорбление. К тому же пребывание в гостях тяготит его — даже три дня трудно усидеть на одном месте этому скитальцу морей.

Взамен чудесных очков, позволяющих отлично видеть не то что в тумане, но даже сквозь непрозрачные предметы, капитан Немо дарит Фиц-Рюю аппарат, усиливающий звуки. Тот искренне рад ответному подарку: ведь благодаря этому аппарату вернется слух к полуглухому помору Бруту, слуге Фиц-Роя.

Жена Фиц-Роя — Мери — еще с восторгом рассказывает капитану о том, как это чудесно — нестись по бесконечной заснеженной тундре со скоростью вихря (по версте в полминуты!) на экипаже, оснащенном электрическим двигателем... а неумная страсть к странствиям уже вновь овладевает капитаном. Торопливо распрощавшись с гостеприимными отшельниками, он возвращается в каюту родного «Наутилуса».

Как известно, капитан Немо только в пути намечал себе ближайшую цель дальнейшего следования. На этот раз он, почти не колеблясь, решил плыть прямо на Одессу — с тем, чтобы познакомиться с Россией с другой стороны...

Этим многообещающим прогнозом и заканчивается несомненно любопытная «глава из Жюль Верна, пикем и нигде не напечатанная». Кстати, она так и называется — «Капитан Немо в России». А обнаружил ее в 1898 году известный в прошлом русский писатель К. К. Случевский, истинный ее автор. Впрочем, в том, что «глава» эта — не что иное, как полужутливое подражание Жюлю Верну, вы уже, вероятно, и сами убедились из краткого ее пересказа.

Слова же Случевского о том, что едва ли может и на самом крайнем Севере существовать глушь для человека, что «от него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта», — сегодня, спустя три четверти века, звучат пророчески.

